

— Это он про вас писал, господа помпадуры.
— И про вас, гражданин головотяп, тоже.

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ...

(РАССКАЗЫ ДЕПУТАТОВ)

ФАКИР ИЗ ЖИЛОТДЕЛА

ЕСЛИ бы Каракозов работал на арене цирка, ему бы не было цены. Большие способности у человека: он и жонглёр, и эквилибрист, и фокусник.

Но Каракозов был всего-навсего начальником жилищного отдела Одесского горисполкома. Другой на его месте заскучал бы, стеснённый и ограниченный масштабами и небольшой ареной своей деятельности. Но Каракозов не таков: он сумел и в этой должности проявить свои таланты.

С лёгкостью эквилибриста он давал посетителям жилотдела многочисленные обещания и с точностью жонглёра перебрасывал выполнение этих обещаний с одного срока на другой. Когда же публика уставала от однообразия этих номеров, он выкидывал такой фокус: есть человек — и нет человека!

Мать Героя Советского Союза Мария Фисанович сама видела, как начальник жилотдела проследовал в свой кабинет. Она готова была подтвердить это под присягой, но верный каракозовский секретарь категорически заверяла её, что это не больше, как иллюзия, обман зрения.

Посетительница только что слышала голос начальника, но секретарь доказывает ей, что это просто обман слуха.

И когда, потеряв всякое терпение, тов. Фисанович пытается проникнуть в заветный кабинет, она обнаруживает, что там пусто: Каракозов благополучно испарился в другую дверь.

Был человек — и нет человека!

Напрасно посетители жилотдела выражали своё недовольство фокусами Каракозова и даже писали жалобы,— он был неуязвим.

Про начальника жилотдела стали говорить:

— Каракозов — человек-невидимка.
— Человек-неуловимка.
— Человек-непобедимка.

Мать Героя Советского Союза Фисанович продолжала акуратно, как на службу, приходить в жилотдел и терпеливо дожидалась, когда, во-первых, её примет Каракозов, а во-вторых, вернут её же квартиру.

И всякий раз она выслушивала вместо приветствия:

— Каракозов был, да весь вышел...

О неприступном Каракозове сообщили мне как депутату.

Я очень люблю цирк. Ценю и восхищаюсь хорошими цирковыми номерами, но только на арене цирка, а не в жилотделе.

Спустя два месяца одесский горсовет известил меня, что Каракозов снят с работы, а матери Героя Советского Союза Фисанович возвращена её площадь.

Бюрократу Каракозову номер не прошёл. Фокус, как говорится, не удался: факир был снят.

И. ПАПАНИН,
дважды Герой Советского Союза

СЛУЧАЙ СО СКУЛЬПТОРОМ

ЭТО произошло в Свердловске, в гостинице «Большой Урал», с известным московским скульптором. После долгих мытарств он попал, наконец, в гостиничное чистилище, так называемый санпропускник.

Процесс омовения состоял из двух операций: сперва вы намыливались в «предлушевой», а затем уже проникали в душевую.

Скульптор наш был человек монументального телосложения, и, очевидно, операция намыливания заняла у него несколько больше времени, чем это было положено правилами «Большого Урала». Короче говоря, он попал в жестокий «цейтнот»...

Когда скульптор, весь покрытый мыльной пеной, стал похожим на одно из своих мраморных изваяний и хотел было двинуться в душевую, истопник заявил ему, что воды для него нет, так как его время истекло.

Со слезами на глазах, то ли от мыла, то ли от досады, скульптор стал умолять истопника пустить воду, но страж водохранилища был непреклонен.

— А ну-ка, смойтесь, гражданин!— гремел истопник.

— Как же я могу смыться, если я не могу вымыться? — пытался шутить скульптор.

— А меня это не касается. Сходите к администратору Козлову, может, он разрешит пустить вам воду.

— А где находится Козлов?

— Известно где, в своём кабинете на втором этаже.

После долгих просьб и увещеваний сам Козлов явился в душевую, но воду для скульптора он всё же не пустил...

Оказавшись невольным свидетелем этого дела, я решил вообще ознакомиться с работой коммунальных учреждений города.

Как депутат, я обратил внимание местных властей на некоторые странные порядки.

Местные власти зашевелились. Не знаю, как там сейчас обстоит с этим вопросом, но тогда сразу порядок был наведён к великому удовольствию всех моющихся граждан.

И. БАРДИН, академик

МЯТЕЖ

С КАКИМИ только вопросами не приходится сталкиваться депутату в его многообразной общественной деятельности!

Однажды ко мне на приём пришла женщина с мальчуганом лет 12—14.

— Я Мятеж, — гордо заявил мальчик.

— То есть, как это — мятеж? — удивлённо спросила я.

— Видите ли, — вступила в разговор мать, — покойный отец ребёнка не нашёл ничего лучшего, как назвать его Мятежом. И вот теперь мальчишка вовсю старается оправдать своё имя. Сладу нет с ним никакого. Представьте, на фронт удирал несколько раз. Да люди добрые всё возвращали мне его обратно. А однажды, когда я заперла в шкафу всю его одежду, сорванец ушёл «воевать» в моей кофте. Ни учиться, ни работать не хочет. Одно твердит: «Раз я Мятеж, значит, одна у меня линия — военная».

— Всё это хорошо, — сказала я, поглаживая по голове мятежного Мятежа, — но и воевать тоже нужно умеючи. Учиться для этого надо. Вот напиши заявление, может быть, удастся определить тебя в какую-нибудь военную школу.

Долго писал Мятеж, сопя и высунув язык. Сразу видно было, что его буйной натуре с большими муками даётся такое сложное дело, как писание. Наконец, большой кляксой был завершён этот почти непосильный труд. Утирая вспотевший нос, автор протянул своё в муках рождённое произведение.

Глянула я на писание и ахнула:

— Хорош воин, нечего сказать! Что ни слово, то ошибка!

Нет, голубчик, не позорь ты звания солдата, иди-ка лучше учиться. Выучишься как следует, можешь стать и офицером и кем хочешь.

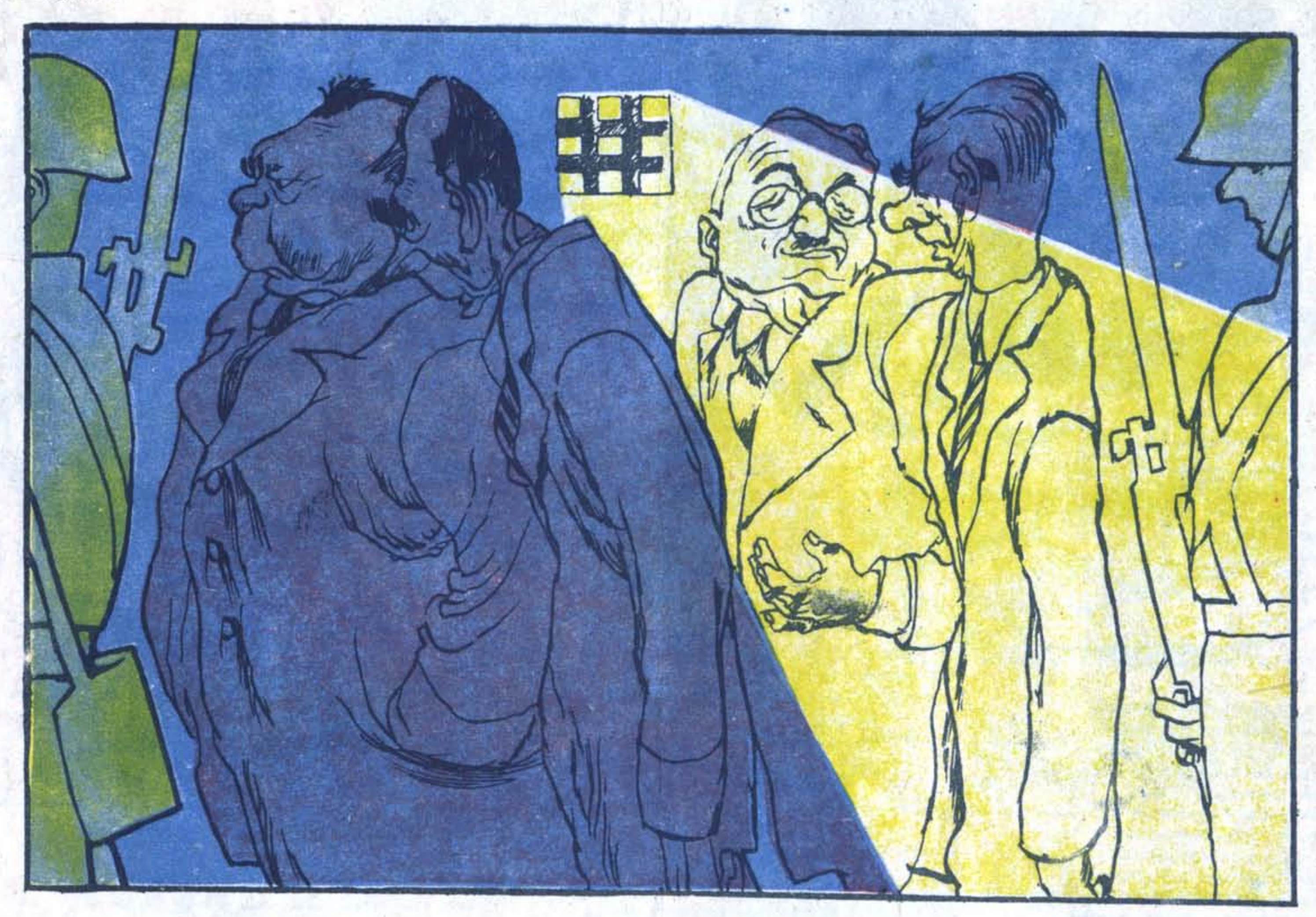
Определила я мальчика в школу. И, представьте, его мятежный характер вовсе не мешал получать хорошие отметки.

О. ЛЕОНОВА,
заслуженная учительница РСФСР

ЧТО ДЕНЬ, ТО КОРОЧЕ...

Рис. М. Черемных

— Уже январь... Дни стали длиннее...
— Боюсь, что это нас не касается.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ВАТИКАН. Как стало известно вашему корреспонденту, папа Пий XII выступил со своим рождественским посланием в облачении, сшитом у тех же портных, что и мантии защитников на Нюрнбергском процессе, и даже шитом теми же коричневыми нитками.

ПАРИЖ. Газета «Пари-Матэн» за недостатком объявлений решила использовать свободное место для объявления Советским Союзом войны Турции. В связи с этим отдел объявлений газеты переименован в отдел провокаций и клеветы.

ЛИССАБОН. Португальский премьер Салазар заявил, что приток немцев в Лиссабон ни в коем случае не вызовет здесь жилищного кризиса. «Правительством, — сказал он, — приняты все меры к разгрузке столицы от излишков коренного населения. Вызванная этим перегрузка тюрем тоже не беспокоит правительство».

ЛОНДОН. Узнав о казни изменника Вильяма Джойса, выступавшего во время войны с фашистской пропагандой по германскому радио под кличкой «Лорд Хау-Хау», Освальд Мосли заявил, что в лице казнённого он потерял верного единомослинника.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Ему никогда не приходилось стоять в трамвае: он умел постоять за себя!

Еж хвастался, что он одет с иголочки.

Дрессировщик собак жаловался, что рецензент облаял его номер.

Лицо у заказчика было настолько незначительным, что художник изобразил его по пояс — начиная с ног.

От перекиси водорода у неё посветлели не только волосы, но и мысли.

Мороз подирал по коже его пальто.

Не преувеличивай! Ты не микроскоп.

Он был полон энергии, как молодой, ещё не расщеплённый атом.

Кошка мечтала о крыльях: ей хотелось попробовать летучих мышей.

И сахарная болезнь несладка.

Больше всего она опасалась, что муж заподозрит её в верности.

И общая кухня иногда разобщает.

Цыплёнок не знал своих родителей: он родился в инкубаторе.

Не повторяй своих острот: одним лезвием дважды не бреются.

Вёсны проходят, веснушки остаются.

Страус донашивал давно вышедшие из моды страусовые перья.

М. ЯКОВЛЕВ

Иллюстрации К. Елисеева

Когда на лестницах стихает
Шумок обёрточных бумаг,
Приходит маг в универмаг,
И жизнь он в ширпотреб вдыхает.
И разговаривают вещи,
И слышим мы их голос вещий.
Тихонько шепчутся часы,
Графин струит речей потоки,
Трещат сорочки, как сороки,
Бормочут робкие трусы.
В углу смеются чашки звонко,
Обмахиваются платки.
Расчёска, щётка и гребёнка
На полке чешут языки.
И сукна с жаром и упорством
Беседуют о том, о сём,
Как некий критик грубошёрстный
Своим суконным языком.
А там, где «фоксов» склад забытых,
Где диски чёрные поют,
Там, где за двух Моцартов битых
Матвея Блантера дают
Небитого... Итак, короче:
В граммпластотделе до полночи
Усталый, нервный патефон
Шипит, сидит, как на иголках,
И вдруг к товарищам на полках
Пластинками взывает он:
— С мембраною простуженной воюя,
Не в силах я хрипенье удержать.
Мне говорят, лишь только запою я:
«Не надо слов, не надо продолжать».
Директор патефонного завода
(На первый раз опустим имена)
О качестве кричал четыре года:
— До качества ль!.. Война, друзья, война!
Сменивши нынче старую пластинку
(Иная песнь — иные времена),
Он говорит про каждую заминку:
— Что ж требовать? Теперь ведь не война!
И я стою, почти лишённый речи,
Не в силах покупателя привлечь.
Ему шепчу: «Ты помнишь наши встречи?»
Он отвечает мне: «Не надо встреч!»
Шумели войны, отшумели войны,
Я не шумлив, как прежде. В тишине
«Любимый город может спать спокойно».
О, Госконтроль, ты «Вспомни обо мне!»

Он смолк. Но шум раздался снова —
Пиджак двубортный просит слова.
Мутятся пуговиц глаза,
Пошивочную шлёт он к чорту,
И слева у него по борту
Струится крупная слеза:
— Я сшит фасоном древних лет.
Смотрите: весь я перед вами! —
Пиджак закрылся рукавами
И плачет в собственный жилет.
— Я свой, как говорится, в доску,
И брюки у меня в полоску.
Но я устал висеть и ждать,
Себе не слыша комплимента.
Я б дотянулся до клиента,
Да брюки коротки, видать.
Я молод. Но не без причины
На мне глубокие морщины,
Каких-то вздутий купола
И полы на вершок от пола.
Скажите мне, какого пола
Хотя бы эта вот пола?!
Кто шил меня, штаны, жилетку?
Как видите, я синий в клетку,
Но, ход событий изменяя,
Хочу, чтоб взяли на заметку,
Что лучше бы портного в клетку
И переделать бы меня.
Умолк он. Патефон далече
Спел тихонечко в углу:
«Ты ушёл, и твои плечики
Скрылися в ночную мглу!»
И вдруг под нежный шелест вальса,
И громыхающ и свиреп,
Заволновался, взбунтовался
Весь непотребный ширпотреб.

* * *

Нож просвистел: «Я брежу, брежу,
Я нож и что же? Я не режу!
Без риска босиком фокстрот
Танцуй по моему железу!»

Увы, ножу не до острот —
Он туп. Но нужен... дозарезу.

* * *

Спросил у стула голос зычный:
— Вы стул складной или иной?
А стул ему:— Я вообще обычный,
Но сядут на меня — складной!

* * *

И спичка говорит, горюя:
«Меня не чиркай, не горю я.
Увы, наверное, меня
Застраховали от огня.
Лежу я голой ёлкой-палкой.
От мысли я недалека,
Что мой директор с зажигалкой,
Но человек без огонька».

* * *

Вот кукла всхлипнула: «Со сна я
Должна бы «мама» пропищать,
Но пищик сломан и кричать
Хочу не «мама», — «мать честная!»
Ведь у меня такое рыло,
Что в страхе я б глаза закрыла.
Увы, с механикой буза —
Не закрываются глаза».

* * *

На всю товарную обитель
Скандал. Порядок водворить
Сам маг не в силах — небожитель!..
С прилавка громкоговоритель
Вдруг начал громко говорить:
«Алло!.. Мы, конечно, не всюду
Подобную встретим посуду,
Что лучше б на счастье разбить;
Не встретим того ширпотреба,
Что людям нормальным «не треба»,
На каждом шагу, может быть.
Но даже на частный тот случай
Работы мы требуем лучшей,
Чтоб звонко играла гитара,
Чтоб два сапога были пара,
Чтоб швы не трещали у брюк,
Чтоб статуя в полную меру
Похожа была на Венеру
Не только отсутствием рук.
Чтоб шерстью костюм не грубил,
Чтоб был патефон, а не ящик,
Чтоб танков КВ настоящих
Не хуже игрушечный был.
Чтоб краска была бы не маркой,
Чтоб новую фирменной маркой
Мы также гордиться могли,
Как годы гордились в походах
Продукцией энских заводов
Солдаты советской земли».

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЖЕРТВА

В ТРЕСТЕ меня считают человеком начитанным, — всё ж-таки я за четыре года работы завкадрами прочёл не один том анкет и автобиографий. Но сам я чувствую некоторые пробелы в своём самообразовании, особенно в части психологии. При прежнем управляющем она нужна была мне, как бородавка на носу. А сейчас без психологии совершенно невозможно стало работать.

Старый наш руководитель, Онуфрий Иванович, бывало, вызовет и скажет:

— Звонил мне Чичкин, просит его племянника пристроить. Парень без квалификации. Можно для него местечко найти?

— Отчего же, — говорю, — нельзя! Нам люди очень нужны.

Или в другой раз обращается ко мне Онуфрий Иванович:

— Говорят, Петров вчера на собрании жаловался, что в нашем тресте пропала самокритика. Может, пошлём его в район?

— Давно, — отвечаю, — пора. Тем более, что штаты у нас раздуты.

Вот так всегда у нас было. Полное единодушие. Ясно и просто. Без всякой психологии.

А на сегодняшний день я такого единодушия не имею.

Вызывает меня наднях наш новый управляющий:

— Вам не кажется, что Лапкин недостаточно загружен?

— Безусловно, — отвечаю. — Хотел даже поставить вопрос о его освобождении.

— Зачем же такого прекрасного работника освобождать? Надо загрузить его лучше.

В другой раз ещё хуже было.

— Вы не знаете, — спрашивает меня управляющий, — Пёрышкина вставили в список премированных?

— Завотделом, — говорю, — считает его недостойным премии, но я совсем другого мнения.

— Зря. Не стоит этого Пёрышкин.

Опять не в точку попал.

Наконец, вчера совсем конфуз получился. В плановом отделе есть у нас сотрудник Зазнобин. Работник плоховатый, к тому же и лодырь. Хотел я даже говорить со старым управляющим о его сокращении, но, к счастью, передумал. Уже после прихода к нам нового руководителя узнал я, что Зазнобин состоит с ним в родстве. То ли он его двоюродный зять, то ли троюродный шурин.

Так вот. Вызывает меня новый:

— Вы, — спрашивает, — Зазнобина хорошо знаете?

— Как же? — отвечаю. — Отличный молодой человек, подаёт большие надежды.

А управляющий как обухом меня по голове:

— Что он подаёт, не знаю, но нам на него в суд надо подать. Набрал три тысячи командировочных и в течение двух лет не отчитывается.

Стою я и молчу. Завкадрами, четырёхлетний стаж — и всё впросак попадаю! Если так дальше пойдёт, придётся, пожалуй, переквалифицироваться.

Приятель мой, тоже начитанный товарищ, советует обратиться к Достоевскому. Неплохой, говорит, писатель, без отрыва от производства овладел профессией психолога.

Копаюсь теперь в книжках этого самого Достоевского.

И. ВЕРХОВЦЕВ

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

В РЕСТОРАНЕ

Робкий молодой человек в очках обращается к мужчине, надевающему пальто:

— Скажите, пожалуйста, вы не м-р Смит из Вашингтона?

— Нет. А что? — нетерпеливо спрашивает другой.

— Видите ли, вы надеваете его пальто. А м-р Смит из Вашингтона — это я.

ОШИБКА СТОРОЖА

Сторож на пляже: — Послушайте, купаться после 8 часов не разрешается.

Девушка из воды: — Я не купаюсь, я тону.

ОБ УХОДЕ ЗА ПОСЕВАМИ

— Ваш метод ухода за посевами совершенно устарел, — сказал молодой студент сельскохозяйственного колледжа старому фермеру. — Посмотрите на это поле овса! Я был бы удивлён, если бы вам удалось собрать с него хотя бы 10 фунтов овса.

— Я тоже, — улыбнулся фермер, — тем более, что это ячмень.

ВСЕ СОСТОЯНИЕ

— Мой муж потерял всё своё состояние.

— Представляю, как вы соболезнуете ему!

— Да, ему будет так не хватать меня.

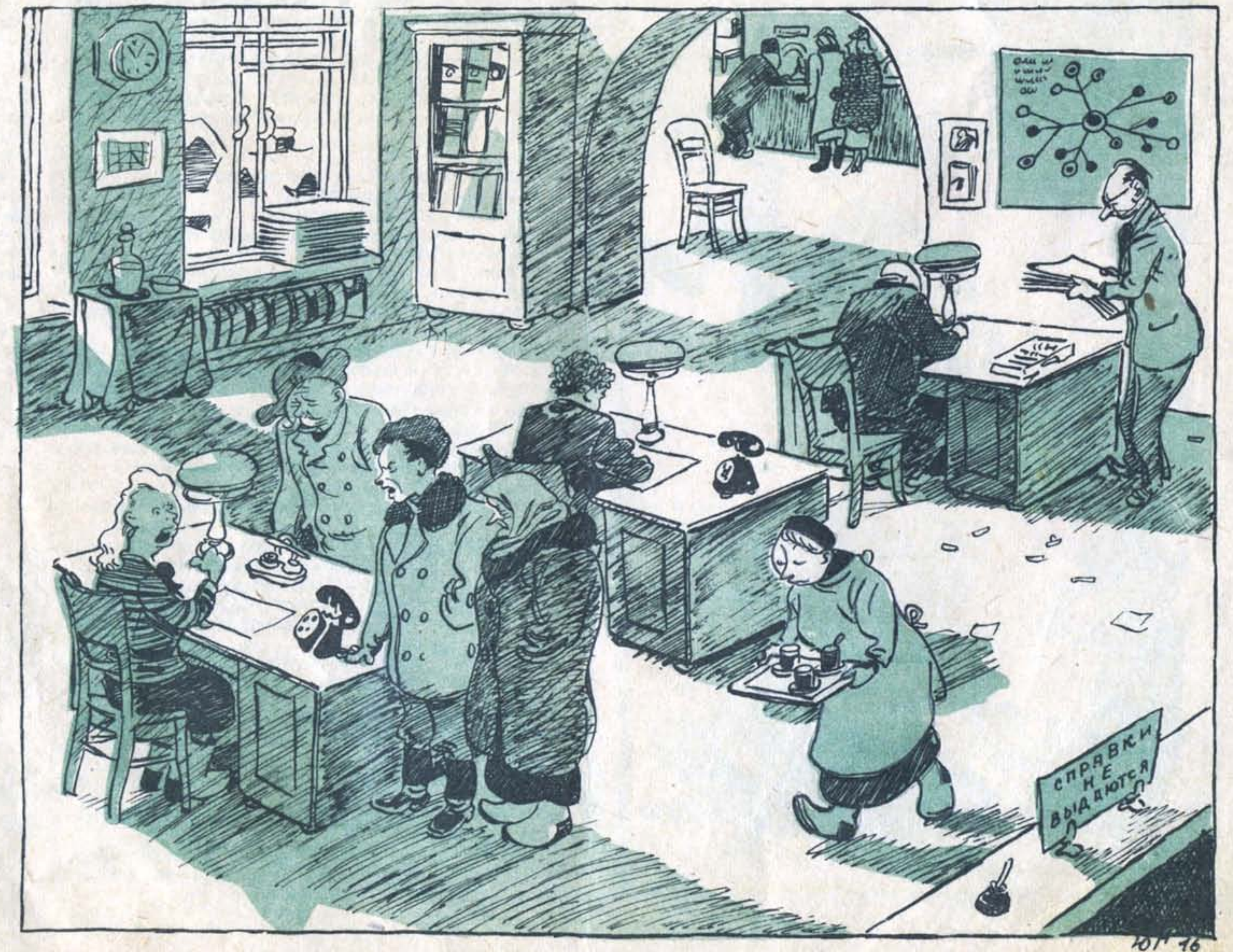
УЖЕ

Жена: — Если ты не прекратишь играть на саксофоне, я сойду с ума!

Муж: — Ха-ха. Ты уже сошла с ума. Я уже час, как не играю.

ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

Рис. Ю. Ганфа

— Я требую к себе чуткого отношения!

— По вопросу о чуткости зайдите в комнату № 6, приём по чётным числам от трёх до пяти.

Рис. Бор. Ефимова

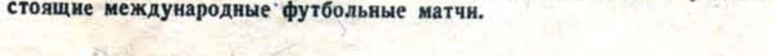
В здоровом теле — здоровый дух!

— Не угодишь на них! Тут ещё более скользко, чем на тротуарах, а никто не жалуется.

— Петька, как тебе нравится эта новая машина?
— Трудно сказать. Я эту марку ещё не проверил.

Предварительное ожидание в ожидании предварительной продажи билетов на предстоящие международные футбольные матчи.

— Вы не огорчайтесь, дяденька, что у вас выбили стекло. Мы им за это назначили штрафной удар.

— Вы ушиблись? Скорей приложите лёд ко лбу!
— Благодарю вас! Уже...

Задача

«Два человека вышли навстречу друг другу. Один проходил километр в 10 минут, другой...»

Час тому назад эти два человека казались Павке славными ребятами. Вот они бойко идут по дороге, солнышко светит, кругом снег. Идут, идут и встретятся на пятом километре, как написано в решении, в конце задачника. Для этого нужно помножить, потом разделить, а когда получится цифра 5, можно со спокойной душой идти во двор кататься на салазках.

Но вот они уже идут целый час, а встреча всё не получается. И теперь они уже не кажутся Павке славными ребятами. Скорее всего это какие-нибудь девчонки и прутся неизвестно зачем. И Павка шепчет по их адресу стихи, которые из-за его шепелявости звучат определённой насмешкой:

«Шва, шва, шва, пивожок нашва,
Сева, да поева, да опять пошва...»

— Ты что бормочешь, Павлик?— спрашивает Марья Даниловна, павкина мать, и касается губами его лба: нет ли у ребёнка жара?

Павка вздыхает:

— Задача очень тяжёлая. Вот, понимаешь, два человека идут навстречу друг другу...

Марья Даниловна тоже вздыхает:

— Это очень хорошо, когда оба идут навстречу. Только это не всегда бывает.

— Я тоже думаю, что здесь ошибка,— с надеждой говорит Павка.

Марья Даниловна грустно смотрит в окно и говорит не столько для Павки, сколько для себя самой:

— Возможно, что ошибка... Но с чьей стороны? Я лично иду навстречу. Я понимаю, что человек работает, что перед ним ответственные задачи. Но ведь другие тоже работают! И с задачами справляются и для семьи время находят. А это прямо какое-то сумасшествие — каждый день возвращаться в четыре часа утра! Вчера было совещание, на повестке дня сорок восемь вопросов!

Павка записывает — 48.

— А на той неделе было, страшно подумать,— шестьдесят!

«60 плюс 48,— пишет Павка,— итого 108».

— И ведь этак каждую божью неделю!— с дрожью в голосе жалуется Марья Даниловна.

— А недель в году 52,— вслух соображает Павка.— Сто восемь помножить на пятьдесят два... Пять тысяч шестьсот шестнадцать!

— Это — чего? — удивляется Марья Даниловна.

— Как чего! Это столько у папы на повестке вопросов.

— Ну, вот видишь,— горько говорит Марья Даниловна.— Нет, эта задача мне не под силу.

— Эх, так бы прямо и сказала,— сердится Павка.— А туда же, берётся решать! Я папе позвоню. Может, он решит?

Павка набирает номер. В трубке булькает холодный голосок секретарши.

— Это я!— кричит Павка.— Я, папин сын. Соедините, пожалуйста.. Здравствуй, папа, я с тобой три дня не видался. Ты можешь решить задачу?

Павка моргает длинными белыми ресницами и кладёт трубку.

— Что он сказал?— спрашивает Марья Даниловна.

— Он говорит: «У меня много своих задач».

Прибегает из института Люба, старшая павкина сестра.

«От Любки толку нету»,— думает Павка. Он как-то попросил её решить задачку, она сунула нос в учебник и говорит: «Ох, это какая-то ерунда, мы это давным-давно позабыли, я же на втором курсе медицинского института!»

«Или, может быть, действительно подъехать к Любке?— думает Павка.— Но к ней надо особый подход».

— Люб, а Люб, а я что-то знаю! — интригующе начинает он.— Шли два человека, гм... гм...

Люба смотрит на него подозрительно:

— Ты видел?

Это неожиданный оборот.

— Может быть, видел, а может быть, и нет. Шли они, шли и мечтали друг с дружкой встретиться.

Люба смотрит ещё пристальнее, потом стремительно подходит и пребольно шлёпает Павку:

— Это, чтобы другой раз не подглядывал! Мечтали встретиться и встретятся, и не твоё дело!— и говорит громко:— Мама, к нам сегодня хотел придти Пётр Петрович. Ты не возражаешь?

— Пожалуйста, пусть приходит,— говорит Марья Даниловна.

А Люба смотрит на Павку и шепчет:

— Слопал?

«И слопал зря и задачку не решил,— думает Павка.— Ну, может быть, Пётр Петрович поможет. Он капитан, он всё знает».

Приходит капитан. Он высокий, красивый и вежливый. Его усаживают пить чай, и он говорит с Марьей Даниловной о погоде. После чая они с Любой садятся на диван и начинают молчать. Очень удобный момент, Павка набирается храбрости и подходит:

— Пётр Петрович, вот шли один раз два человека...

— Это вы про кого, молодой человек?— очень вежливо спрашивает капитан.

Люба краснеет и щиплет Павку сзади.

«Перетерплю»,— думает Павка и отвечает:

— Это задача такая. Они шли друг другу навстречу...

— Ах, вот что!— оживляется капитан.— Так, так, шли и во что бы то ни стало хотели встретиться?

— Ага, обязательно.

Капитан улыбается как-то неопределённо, а Павка ужасается: «Неужели и этот не решит?»

— Почему же их так тянуло друг к другу?— тихо спрашивает капитан и смотрит не на Павку, а на Любу.

«Начинаются наводящие вопросы»,— думает Павка и говорит уныло:

— Да уж так, тянуло и тянуло...

Но капитан не унимается:

— Может быть, эти два человека... так сильно полюбили друг друга, что не могли жить врозь?

Павке хочется сказать:

«А чорт их знает!»—но он отвечает деликатно:

— Об этом ничего неизвестно.

— Вот что,— говорит капитан глубоким голосом,— эту задачу может решить только Любочка.

Павка чуть было не сказал:

«Тоже мне, нашли дурищу задачки решать»,— но в эту минуту Люба порывисто обнимает Павку и необыкновенно ласково говорит:

— Павка, чучелка моя, ну беги, беги во двор, если хочешь, возьми мои коньки.

От такого Павка отказаться не в состоянии. Он хватает коньки, а шапку и пальтишко напяливает уже на лестнице, как бы не раздумали и не вернули. Он катается до темноты и потом спит, как убитый. А наутро задача про этих двух, которые идут друг другу навстречу, встаёт перед ним во весь рост. Он собирает свои книжки и мрачно идёт по улице. И вдруг он видит, что впереди маячат синяя шуба и чёрный берет... Сомнений нет, это Татьяна Прокофьевна, учительница арифметики.

«Вот оно когда!— думает Павка.— Вот они, два человека, которые идут друг другу навстречу...»

Чего теперь делать? Пожалуй, только одно решение и остаётся — взять да свернуть в переулок...

Но Татьяна Прохоровна уже заприметила его и кричит своим громким голосом:

— Па-авлик!

«Пропал,— думает Павка,— ну прямо так ей и скажу: «Татьяна Прохоровна, поумней меня люди решали и тоже потели не знаю как, а я всё-таки ребёнок...»

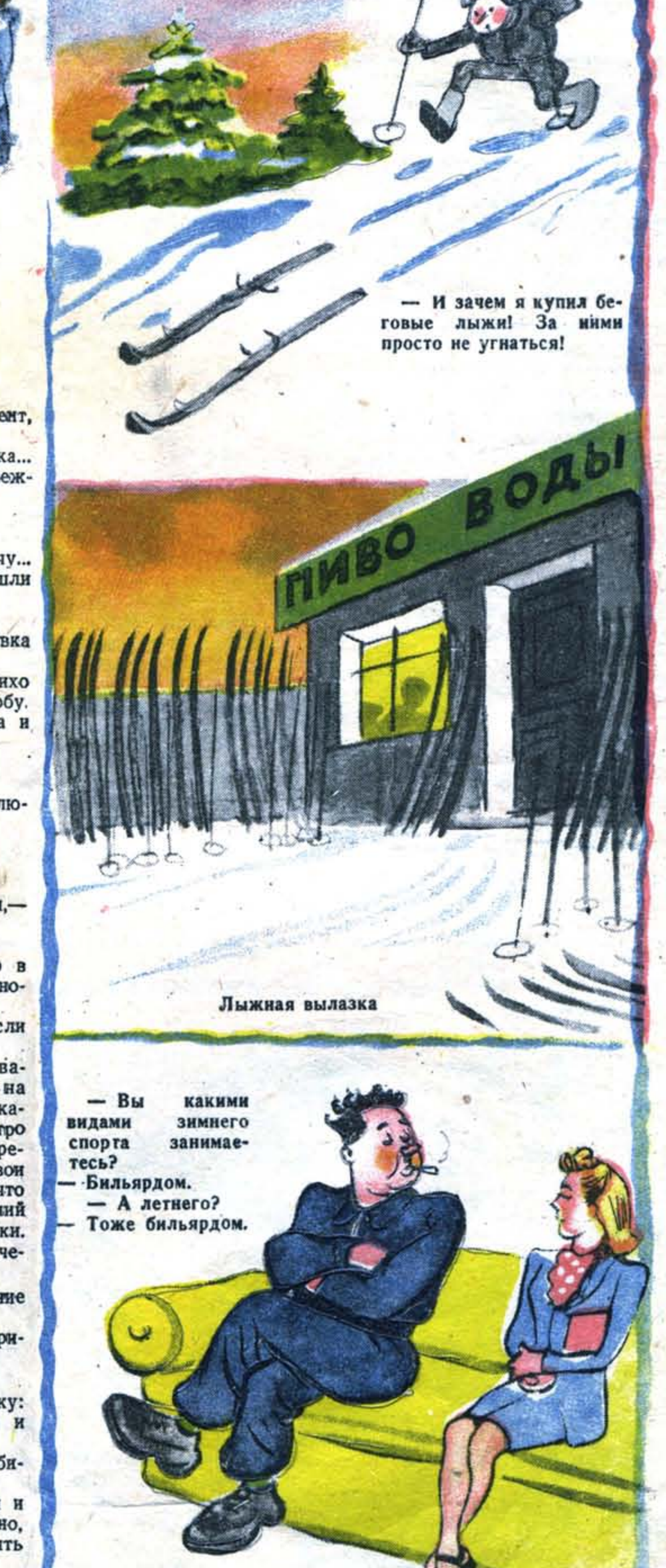
Домой он несёт в тетрадке двойку с минусом и обиженно думает:

«Конечно, для маленьких всё выдумали. И двойки и двойки с минусом. Большие не решат задачку — и ладно, а маленьким сейчас — трах!— и двойка. Эх, тяжело быть маленьким!..»

В. КАРБОВСКАЯ

— Что поймали?
— Ишиас.

— И зачем я купил беговые лыжи! За ними просто не угнаться!

Лыжная вылазка

— Вы какими видами зимнего спорта занимаетесь?
— Бильярдом.
— А летнего?
— Тоже бильярдом.

Экзамен на человека

В РАССКАЗЕ Горького «Пожар» печник Чмырёв, говоря о лавочнике Братягине, замечает:

— Ну, лавошник — это, положим, не человек, название одно... Он ещё экзамента не сдавал на человека...

Мало числиться в списках жильцов — надо ещё сдать экзамен на человека. Каждый час происходит проверка твоей чести, твоих чувств. Кто ты таков — человек или название одно?

В дни войны миллионы советских людей — у горящих зданий Берлина и у пылающих домен Магнитогорска — выдержали блестяще этот экзамен. Акт о капитуляции врага является их атестатом зрелости. А списки избирателей Особых избирательных округов по выборам в Верховный Совет Союза ССР—свидетельством о пройдённом и усвоенном.

Сейчас в наших мирных городах и весях проверочные испытания продолжаются. Правда, есть ещё не мало слабых, неуспевающих. Но их подавляют огромные толпы отличников. Много их, но жадное сердце хочет ещё большего.

И вот фантазия-непоседа уносит меня на машине КС (ковёр-самолёт) в город Радужный, в районе станции Мечта.

В этом населённом пункте нет отсталых и малосильных. Здесь все граждане сдают на «отлично» экзамен на человека.

Это город-сад, где круглый год цветут человеческие доблести. Город чистый, собранный, подтянутый и вместе с тем радостно-весёлый.

...Останавливаю на улице двух горожан и говорю им:

— На сегодняшний день приходится со всей решительностью констатировать наличие повседневной борьбы за благоустройство во всех звеньях вашего города.

Горожане смотрят на меня с удивлением. Один из них, который постарше, говорит:

— Корни как будто славянские, но речь непостижимая.

Я постарался объясниться попонятнее:

— Вы боретесь за чистоту и порядок?

Удивление не покидало моих собеседников:

— То есть, как это — боремся? С кем боремся? Мы просто подметаем, ремонтируем, строим.

— Без утряски и увязки?

Они смущённо спросили меня:

— Скажите, пожалуйста, почему вы так скучно выражаетесь?

— Простите, это была лишь пародийная шутка, — ответил я. — Живые люди так не разговаривают там, откуда я к вам приехал. Но у нас ещё кое-где болтаются человечки, которые пытаются укрыть свою никчёмность в сумраке словесной тайги. И я лишь хотел проверить, дошёл ли до вас этот жаргон...

Но тут я услышал какой-то шум. Я обернулся и увидал в десятке шагов от меня, у трамвайной остановки, двух людей, горячо спорящих между собой. Я поспешил туда.

— Нет, извините, — нервно размахивая руками, говорил один, — не вы меня толкнули, а я вас.

— Простите, пожалуйста, — отвечал другой, слегка заикаясь от волнения, — это я вас толкнул, а не вы меня.

— Нет, я виноват!

— Охота вам спорить. Ведь я виноват!

— Нет, я!

Атмосфера накалялась. Я решил вмешаться, чтобы погасить скандал.

Без лишнего труда удалось примирить противников. И мы втроём, шутя и смеясь, пошли по главной улице города.

У большого здания, на дверях которого отливала золотом вывеска «Библиотека», один из моих спутников задержался.

— Простите, — сказал он. — Мне надо заглянуть в библиотеку, порыться в кое-каких материалах для своей диссертации.

— Можно узнать, — спросил я, — на какую тему вы пишете работу?

— О краже часов.

— Очень странно, — говорю. — Разве у вас этим занимаются?

— Редко. Но бывает. Мы считаем это страшным бедствием. Вот недавно, например, одно собрание длилось лишних пятнадцать минут. А на собрании было сто двадцать три человека. Помножьте пятнадцать на сто двадцать три, и вам станет ясно, сколько похищено часов. А полгода назад произошёл такой небывалый случай: начальник одного учреждения опоздал на приём посетителей на одиннадцать минут... Ну, я пошёл.

Дальше мы пошли вдвоём. Мой новый знакомый сказал:

— Мне тоже надо было зайти в библиотеку. Но мне хочется побыть с вами.

Я поблагодарил его за любезность. Но не удержался, чтоб не спросить:

— Вы тоже пишете работу?

— Нет. Видите ли, в одной старой книге я наткнулся на иностранное слово — «хулиган». Никто в городе не знает, что оно означает. Надо посмотреть в энциклопедии.

Он пригласил меня зайти к нему домой выпить чаю. Я охотно согласился.

Лифт работал. Мы поднялись на пятый этаж.

Проходя мимо кухни, я услыхал громкие голоса двух женщин. «Кухонная склока», — подумал я. И не ошибся.

Насколько я мог уловить, это две соседки у плиты ссорились из-за какого-то Антона Павловича.

— Вы не понимаете, Анна Кузьминишна, Антона Павловича! — кричала одна.

— Нет, Марья Петровна, это вы не чувствуете Антона Павловича! — отвечала другая.

Я спросил своего спутника:

— Кто сей мужчина, из-за которого спорят эти прекрасные дамы?

— Антон Павлович? Чехов,—ответил он.— А эти две соседки, как соберутся вместе, так и начинают спорить о достоинствах писателя. На кухне всегда такой шум...

Побыл я здесь недолго, так как торопился зайти в редакцию местной газеты.

Иду в редакцию, и вдруг на углу какой-то улицы меня окликнули:

— Простите, товарищ. Вы мне нужны...

У раскрытого окна стоял мужчина средних лет и, ласково улыбаясь, смотрел на меня.

— Ваш пиджак, — продолжал он, — несколько помят. Очень просим вас зайти к нам на одну минуту.

Я взглянул на вывеску дома. На ней было написано не иностранное слово — «Американка», а своё — «Радужанка».

Минут через пять — шесть я шагал по улице в вычищенном, хорошо вытюженном костюме.

Вот и редакция.

— Вы печатаете только положительные очерки? — спросил я редактора. — Ведь в Радужном...

— Что вы! — прервал меня редактор. — Мы печатаем и критические фельетоны.

— Против кого?

— Точнее было бы спросить — против чего. Наши люди — настоящие люди. Но и у хорошего человека бывает порой плохой вкус в какой-нибудь области. Мы исправляем вкусы наших горожан. Мы пишем фельетоны против пошлых литературных произведений, которые каким-то образом попадают к нам. Против скверной музыки, плохих песен, аляповатых картин.

День клонился к вечеру. Надо было возвращаться домой. Я попрощался с редактором, обещав ему, что скоро опять приеду в Радужный.

И в самом деле: почему не повторить такое путешествие? Ведь город Радужный не за горами...

Приятно помечтать. Тем более, что веришь: не всегда город Радужный будет только в районе станции Мечта.

Г. РЫКЛИН

В ШКОЛЕ ПАРИКМАХЕРОВ

Рис. Н. Костина

— Вы говорите, что уже брились у меня. Странно, что-то я не припомню вашего лица.

— Ничего странного. Оно уже почти зажило с тех пор.

ЛЕСНАЯ СКАЗКА

Прошли декабрьские метели,
Бело и весело в лесу.
Вчера смотрел в окно на ели
И увидал в лесу лису.
Она трусила вдоль опушки,
Был вид её, как в книжке, прост.
Торчали розовые ушки,
И сзади стлался толстый хвост.
Смотрели маленькие глазки.
Я хорошо запомнил их.
Лиса мелькнула, точно в сказке,
И скрылась в тот же самый миг.
Я выбежал полуодетым.
Лисицы — нет. Туда, сюда...
Пойди, сыщи её. Да где там!
...Так и с любовью иногда.

Валентин КАТАЕВ

НОВЕЙШИЙ ПЕСЕННИК

ПАРОДИИ

ШУТОЧНАЯ-ПРИБАУТОЧНАЯ

Светит солнце ярко.
Поле, яр.
Встретились доярка
И дояр.
Не мычат коровы
И быки.
Парень чернобровый
У реки.
Парень чернобровый,
Молодой...
— Что твои коровы?
Как удой?
Но не отвечала
Та ему.
Только промычала:
— Му... му... му...
Да хитро скосила
Карий глаз,
Мол, хотя красива,—
Не про вас.
Мол, вернётся Петя,
Милый мой,
Он тебе ответит
Про удой!
Светит солнце ярко.
Поле, яр.
Встретились доярка
И дояр.

ДЕТСКАЯ-МОЛОДЕЦКАЯ

Спи, мой мальчик, без забот.
Мама вышла на завод,
Папа — горный инженер,
Ездит по СССР.
Спи, мой мальчик, будь же пай,
Поскорее засыпай.
Твой любимый старый дед
Ходит в университет,
Чтобы лекции читать.
Ты же должен крепко спать.
Спи, мой мальчик, будь же пай,
Поскорее засыпай.
Дядя с тётею в саду,
Бабка с нянькой на пруду,
Все соседи — кто куда,
Нет их дома никогда.
Спи, мой мальчик, будь же пай,
Поскорее засыпай.
Нам не надо никого,
Мы и сами — ого-го!
Ты всё больше с каждым днём,
Сами как-нибудь заснём.
Спи, мой мальчик, будь же пай,
Поскорее засыпай.
Умный мальчик будет спать,
Дядя — песенку кропать.
Всё, что дядя создаёт,
Кто-то быстро издаёт.
Спи, мой мальчик, будь же пай,
Подрастёшь,— и ты кропай!

А. РАСКИН

В АНТИКВАРНОМ МАГАЗИНЕ

Рис. К. Елисеева

— Пятьсот рублей за эту тарелку!..
— Что вы хотите, гражданин, здесь одних трещин на триста!

Трудно быть юристом

ЗАВТРА вам придётся поехать в Котло-строй-и-так-далее, чтобы переговорить о заключении договора,— оказал мне как-то утром мой начальник.

На следующий день я отправился по указанному адресу. Нужный мне человек помещался в кабинете, вся обстановка которого состояла из письменного стола, пишущей машинки и двух кресел. Здороваясь, я переспросил его фамилию. Он повторил.

— Удачная фамилия,— похвалил я, желая сразу взять быка за рога.

— Ничего особенного,— скромно заметил он.

— Нет, очень хорошая фамилия, — горячо подтвердил я.— Вам повезло.

Мы понравились друг другу с первого взгляда. После того как я раза два похлопал его по плечу, он сразу согласился составить проект договора.

* * *

Через десять дней курьер принёс нам проект договора. Однако моё начальство осталось этим документом недовольно и поручило мне составить новый вариант.

Это дело было для меня новым, и поэтому перед тем, как приступить к нему, я решил посоветоваться со сведущими людьми.

— Договор должен быть похож на клубок ниток,— сказал мне один.— Чем больше стараешься его распутать, тем крепче затягиваешь узлы.

— Договор должен быть неясен в отношении тебя,— сказал мне другой,— и совершенно непонятен в отношении тех, с кем ты договариваешься.

— Главное в договоре,—заявил третий,—это ссылка на соответствующие основания. Если ты не будешь ссылаться на основания, то твои партнёры будут ссылаться на отсутствие оснований.

Выслушав всё это, я засел за составление договора, на что и потратил около четырёх дней. Так как этот каверзный документ заключал в себе тридцать восемь страниц, напечатанных на машинке через один интервал, то я для примера приведу здесь лишь один пункт. Вот он:

«Обязательства Поставщика перед Заказчиком не должны превышать вышеупомянутых статей II пунктом 1 без той его части, которая распространяется на статью VII пункт 12, примечания «б», «ж» и «к».

Когда я показал этот документ начальнику, то он заметил:

— М-да. Это, пожалуй, немного чересчур... Но, впрочем, отвезите его в Котло-строй-и-так-далее. Интересно, что они там скажут?

В Котло-строй-и-так-далее договор пришлось читать в лицах, как пьесу. Каждый из присутствовавших получил себе несколько статей и, следя за текстом, обязан был при упоминании своего имени излагать всё, к нему относящееся.

Так как чтение договора отняло почти целый день, то они решили составить новый, сокращённый вариант.

Через двадцать дней вариант был нам прислан. Такая поспешность показалась мне подозрительной, и я счёл нужным обратиться к юристу.

Мои подозрения оказались обоснованными. Судя по его словам, суд являлся логическим завершением нашего дела. Когда я уже начал мысленно прикидывать, кто мне будет носить передачу, юрист заявил, что он мне поможет переделать договор. В результате этой помощи на свет появился новый вариант. Причём он был составлен так, что, читая начало, вы не догадывались, о чём будет речь в дальнейшем, дойдя до середины, переставали понимать, между кем договор заключается, а к концу забывали всё его содержание.

Когда я прочёл в Котло-строй-и-так-далее это произведение, то они долго молчали, пряча глаза один от другого. Но, немного погодя, они оправились и раскопали пункт, в котором была зарыта собака.

Чтобы не утомлять вас технической стороной дела, я замечу лишь, что для изготовленного котла мы требовали приёмных испытаний в течение ста часов, а в Котло-строй-и-так-далее считали, что вполне достаточно будет десяти.

Я спорил с ними до тех пор, пока у меня не стал ломаться голос, как в детские годы. Тогда обсуждение пришлось прервать. Но мы возобновили его спустя пятнадцать дней, уже на нашей территории.

Однако и на этот раз, посовещавшись около пяти часов, мы вынуждены были прекратить нашу работу, потому что второй стенографистки у нас не было, а первую пришлось вынести, так как она стала делать чернильные глазки.

Всё же мы успели решить, что наша сторона составит новый вариант, причём оставит пустое место для числа часов испытания, которые будут уточнены особо.

Мы так и сделали. Даже более того — мы визировали договор и в примечании указали число часов испытаний, равное ста, после чего послали договор на подпись в Котло-строй-и-так-далее.

Договор вернулся к нам через восемь дней, и мы увидали, что они его подписали, но в нашем примечании число «100 (сто)» было зачёркнуто, вместо него стояло «10 (десять)» и внизу была допечатана следующая фраза:

«Исправленному «сто» на «десять» верить», после чего имелись их подписи и — какова наглость! — было оставлено место для наших!

На следующий же день, в конверте молочного цвета на хрустящей, глянцевитой плотной бумаге, мы отослали им следующее письмо:

«Условие сточасового испытания является для нас минимальным и окончательным. Просим Вас не отказать в любезности и сообщить Ваше решение не позднее 8-го числа сего месяца».

Ответ пришёл восьмого, в конверте, качество которого было настолько высоко, что он трещал, когда его распечатывали, как поленья в печке. Атласный бледноголубой лист бумаги гласил:

«Условие десятичасового испытания является для нас максимальным и окончательным. Просим Вас не отказать в любезности и сообщить Ваше решение не позднее 13-го числа сего месяца».

Мы ответили на эту наглость письмом на листе бумаги мохнатой, как валенок:

«Договор считаем не заключённым».

Дней через десять меня вызвали в нашу почтовую экспедицию. Там лежал грязный конверт, склеенный из газетной бумаги. Так как марки не было, то пришлось за пересылку заплатить двойную цену. Внутри конверта на обрывке обёрточной бумаги было нацарапано:

«Переговоры считаем прекращёнными».

Трудно быть юристом!..

С. КОТЛЯР

НА ЭКЗАМЕНЕ

Рис. Л. Сойфертиса

— Что вы знаете о семействе тюльпановых?
— Кое-что знаю. Но мне не хотелось бы сплетничать.

НЕПОСЕДЛИВЫЙ ЗАЯЦ

Рис. Ю. Ганфа

— Стреляй, я тебе говорю!..
— Не могу! Он всё время прыгает!

НЕ ВЫДЕРЖАЛИ

Рис. А. Каневского

— Я пришёл настроить ваше пианино.
— Я вас не вызывала.
— Вы-то нет. Но вызывали ваши соседи.

КАРАКУЛЕВОДСТВО

Рис. И. Семёнова

— Посмотри, эта гражданка вся в каракулях.
— Это наша секретарша. Она даже пишет каракулями.

НАУКА И ТЕХНИКА

Движимый любовью к культуре и толкаемый принципами гуманизма, я решил направить свои знания и способности на спасение страдающего человечества от какого-нибудь зла.

ПОРТФЕЛЬ-ПЮПИТР

Доказано, что человек, живущий где-нибудь в Черкизове и работающий у Бегов, тратит ежедневно на проезды в трамвае около двух часов. Время это он расходует нерационально и душевно грубеет до того, что сплошь да рядом отказывается передать кондуктору старушечий пятиалтынный, ссылаясь при этом на какую-то особенную занятость его рук.

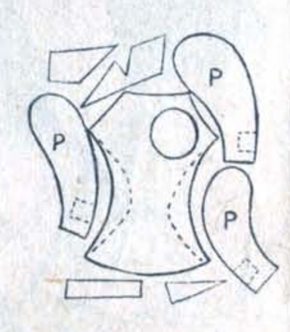

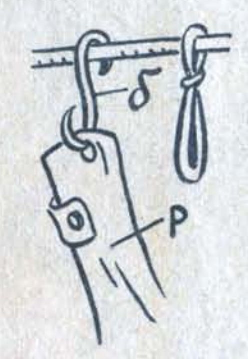
Отныне с этим будет покончено. Трамвайное время не будет пропадать зря. Для этого в обыкновенном портфеле (а) на месте его крышки (в) просверливается дыра. В дыру просовывается крючок от вешалки (б). К днищу портфеля на обыкновенных петельках приделывается обыкновенная линейка (е). Навесной портфель-пюпитр готов. Войдя в трамвай, каждый гражданин легко и свободно вешает свой портфель на шею (к) впереди стоящего субъекта, тот делает то же в отношении впереди стоящего и т. д. (см. рисунок).

Смотрите: теперь вы можете сравнительно удобно расположиться и написать письмо, заявление в кассу взаимопомощи или прочесть санитарную брошюру «За здорового больного».

ДАМСКОЕ ПАЛЬТО-ТРЕХРУКАВКА

Мною разработан также проект дамского трамвайного трёхрукавного пальто. Третий рукав (р) вшивается в спинку вот так (см. рис.).

На открытый конец третьего рукава пристраивается обыкновенный, уже знакомый нам крючок (б). В тесноте и тряске трамвая это пальто исключительно удобно. Вошедшая в вагон дама прежде всего пришвартовывается крючком своего рукава к верхней ручке-державке. Теперь она может передохнуть и заняться текущим ремонтом пострадавших при посадке ресниц. Свободными руками она может также толкать оробевших мужчин, со словами: «А ещё мужчина, как не стыдно».

СТЕРИЛИЗАТОР РЕЧИ

Кто из вас не слышал классического трамвайного диалога:

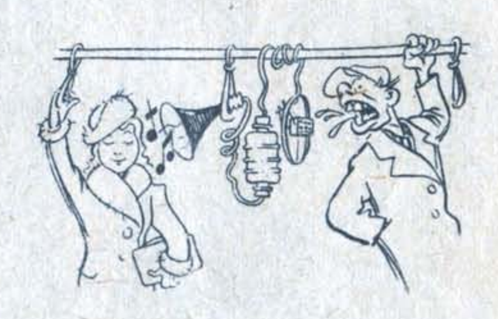
— Чего вы пихаетесь? Сама дура! От ненормального слышу! Вам бы в такси кататься!

Мой стерилизатор речи, составленный из микрофона (а), фильтра (б) и репродуктора (в),

очень удобен для употребления. Наполненный разного рода фильтрами (уголь, вата, вазелин, сахарин), он лишает самые злющие эпитеты их ехидства и колкости (уголь, вата), делает их мягкими и даже сладкими (вазелин, сахарин) и направляет их в уши окружающих абсолютно приемлемыми для общественного спокойствия.

Стерилизаторы речи вывешиваются на видном месте, и лишь только где-нибудь вспыхнет склочка, кондуктор или активист из публики надевает их на противников. Думается, что моими стерилизаторами будут обслуживаться также продавцы и покупатели нашей торговющей сети.

В. ГУСАРОВ.

Дорогой Крокодил

Дорогой Крокодил!

Тебе и невдомёк, что объявился такой человек, который сам себя наделил правом одним росчерком пера отменять все законы.

Этот всемогущий человек — директор Сталинградской межрайонной конторы областного мельничного треста Голышкин.

Заведующий Средне-Ахтубинской мельницей тов. Ульев сдал государству 16 центнеров хлеба из подсобного хозяйства мельницы. Тов. Ульев поступил правильно! Честь ему и хвала!

И Голышкин решил достойно отметить поступок своего подчинённого: он объявил ему строгий выговор с предупреждением за самовольную и незаконную сдачу зерна.

В самом деле: как осмелился тов. Ульев выполнять решения СНК и ЦК, раз эти решения не согласованы с Голышкиным!

Интересно, на какие ещё решения партии и правительства распространятся гнев и недовольство Голышкина?

П. ШАРОВ,
секретарь Средне-Ахтубинского РК ВКП(б)

Средняя Ахтуба, Сталинградской области.

Товарищ Крокодил!

Хорошо относятся к лошадям в Джамбульской ветеринарной лечебнице. Там проявили как-то столько внимания, заботы и любви к одной ничем не приметной лошади, что умолчать об этом просто невозможно.

Наше Южно-Казахстанское управление Наркомсвязи приобрело тридцать три лошади. Все они были вполне здоровы, о чём свидетельствовали специальные справки. Однако Джамбульская ветлечебница решила ещё раз проверить состояние здоровья лошадей и одну задержала, поставив весьма сомнительный диагноз её болезни.

Два месяца мы ждали вестей из ветлечебницы. Наконец, не выдержали и обратились с официальным запросом. Ответ не заставил себя долго ждать. Он был краток и ясен: «Уплатите за содержание и лечение лошади 5190 рублей и получайте её обратно».

Если принять во внимание, что путёвка в лучший санаторий для человека стоит 1500 — 1800 рублей в месяц, нетрудно догадаться, в каких роскошных условиях находилась наша лошадь.

МИРЗАХМЕТОВ,
начальник отдела почтовой связи

г. Чимкент.

Уважаемый Крокодил!

Метод преподавания истории учителем Сеитовым в средней школе Иртышского района, Павлодарской области, достоин самого широкого освещения.

По уверениям самого Сеитова, он имеет полную возможность преподавать свой предмет без каких-либо пособий и учебников, так сказать, по первоисточникам.

Спросите любого ученика Сеитова, и он вам сообщит о том, как их учитель рассказывает, что он обладает даром вызывать духов, а также вращаться в загробном мире, как у себя дома. Ему, например, ничего не стоит получить исчерпывающую информацию у любой исторической персоны, будь то Александр Македонский или Юлий Цезарь.

Пока Сеитов вращается среди астральных тел, всё обстоит сравнительно благополучно. Но есть опасение, что в ближайшее время он обязательно столкнётся с вполне реальным представителем отдела народного образования. И тогда Сеитову волей-неволей придётся расстаться со своими ненаглядными пособиями.

В. ПИСОСОРСКИЙ

г. Павлодар, КазССР.

ОПЫТНЫЙ АВТОР

Рис. Е. Евгана

— Почему в вашей редакции рукописи не возвращаются? Во всех других мне их охотно возвращают.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 61. Подп. к печати 18/I 1946 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01915. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 51. Тираж 150 000

НЮРНБЕРГСКИЕ МАСТЕРА ПЕНИЯ

Рис. Кукрыниксы

ХОР ЗАЩИТНИКОВ:

— Мы повадку людоедскую
Выдаём за шалость детскую...
Но не можем дать гарантии,
Что помогут наши мантии.